

УДК 81.161.1'373

DOI: 10.26140/bg3-2020-0902-0072

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СТИХОТВОРЕНИЯХ Б. Л. ПАСТЕРНАКА
(К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)**

© 2020

SPIN-код: 4189-9440

AuthorID: 866493

Никулкина Ольга Геннадьевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС), филиал в Брянске
(241050, Россия, Брянск, ул. Дуки, 61, e-mail: sinbad1982@yandex.ru)*

Аннотация. Статья посвящена ономастике поэтического текста. В ней представлен комплексный анализ ономастической лексики в стихотворениях лауреата Нобелевской премии по литературе Б. Л. Пастернака. В поэтическом тексте имена собственные служат мощным средством компрессии культурной информации и оптимальным способом её трансляции во времени и пространстве. Выделены шесть групп имён собственных в зависимости от репрезентируемых ими пространственно-временных локусов: представляющие современного поэту временной отрезок; относящиеся к античной и восточной культурам; фольклорные онимы; номинации, отсылающие к европейской культуре; имена собственные, являющиеся маркерами христианской культуры; онимы, репрезентирующие русскую культуру. Автором обозначены все разряды имён собственных в соответствии с предметно-понятийным ядром. Отмечается, что самым многочисленным разрядом являются топонимы. Преобладание топонимической лексики позволили автору сделать вывод о пространственно ориентированном характере поэзии Б. Л. Пастернака. Отмечено, что топонимы делятся на мотивированные контекстом, условно-поэтические и немотивированные. Проанализированы грамматические особенности онимов. Установлено, что преимущественно имена собственные соответствуют полной официальной форме. Разговорные формы онимов единичны и представлены эллиптическими номинациями ряда периферийных ономастических единиц и гипокористическими формами некоторых антропонимов.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, поэтическая ономастика, поэтоним, типология имён собственных, семантическое поле онима, коннотация.

**PROPER NAMES IN THE POEMS OF B. L. PASTERNAK
(TO THE 130TH ANNIVERSARY OF THE WRITER)**

© 2020

Nikulkina Olga Gennadiyevna, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Bryansk Branch
(241050, Russia, Bryansk, 61 Duki str., e-mail: sinbad1982@yandex.ru)*

Abstract. The article is devoted to the onomastics of the poetic text. It presents a comprehensive analysis of onomastic vocabulary in the poems of the Nobel prize in literature B. L. Pasternak. In a poetic text, proper names serve as a powerful means of compressing cultural information and the optimal way to translate it in time and space. There are six groups of proper names, depending on the space-time loci they represent: representing the modern poet's time period; related to ancient and Eastern cultures; folklore onyms; nominations referring to European culture; proper names that are markers of Christian culture; onyms that represent Russian culture. The author denotes all the categories of proper names in accordance with the subject-conceptual core. It is noted that the most numerous category are toponyms. The predominance of toponymic vocabulary allowed the author to draw a conclusion about the spatially oriented nature of B. L. Pasternak's poetry. It is noted that toponyms are divided into context-motivated, conditional-poetic and unmotivated. Grammatical features of onyms are analyzed. It is established that mostly proper names correspond to the full official form. Colloquial forms of onyms are singular and are represented by elliptical nominations of a number of peripheral onomastic units and hypocoristic forms of some anthroponyms.

Keywords: B. L. Pasternak, poetic onomastics, poutanen, typology of proper names, the personal names semantic field, connotation.

ВВЕДЕНИЕ

В современном языкознании существует значительное количество исследований, посвящённых вопросам поэтической (художественной) ономастики, науки, которая стала активно развиваться во второй половине XX века и объектом изучения которой являются поэтонимы, то есть функционирующие в художественном тексте имена собственные (далее – ИС).

Среди работ по изучению ономастики художественного произведения отметим исследования Э. Б. Магазаника [1], В. М. Калинин [2], В. И. Супруна [3], О. И. Фонаковой [4].

Поэзия Б. Л. Пастернака исследована достаточно широко. Освещены общие вопросы поэтики писателя в трудах Н. А. Фатеевой [5], В. В. Иванова [6], В. Н. Альфонсова [7], в работах С. Н. Бройтмана [8], М. Л. Гаспарова [9] проанализированы отдельные поэтические сборники Б. Л. Пастернака, структурные особенности поэтического текста писателя рассматривал Ю. М. Лотман [10], поэтика грамматических категорий поэта изучалась А. К. Жолковским [11, 12], частные аспекты поэтической системы анализируе-

мого автора отражены в трудах Г. С. Померанц [13], А. Г. Масловой [14], И. В. Романовой [15], М. И. Шапир [16], А. С. Акимовой [17] и других учёных.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что анализ ИС, то есть ономастикона, в лирике поэта ранее не становился объектом отдельного комплексного изучения.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью исследования является анализ собственных имён, функционирующих в стихотворениях Б. Л. Пастернака, как одних из ключевых средств поэтического идиолекта писателя.

Задачи статьи связаны с определением объёма и состава ИС, соотношением поэтонимов с реальной русской ономастикой, определением грамматических и семантических особенностей ономастических номинаций.

Для решения поставленных задач при исследовании словаря ИС применялись следующие методы: метод сплошной выборки, контекстный семантический анализ поэтонимов, наблюдение, описательный и статистический методы.

В результате сплошной выборки ИС из стихотво-

рений поэтических сборников Б. Л. Пастернака в разных редакциях («Близнец в тучах» («Начальная пора»), «Поверх барьеров», «Сестра моя – жизнь», «Темы и вариации», «Второе рождение», «На ранних поездках», «Когда разгуляется»), а также стихотворений 1913–1959 гг., не включённых в основное издание, в том числе набросков и экспромтов, был собран словарь ИС поэтического идиолекта Б. Л. Пастернака объёмом около 500 единиц (за анализируемую единицу принималось однократное употребление онима).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Онимы в поэтическом идиолекте писателя присутствуют не только в текстах стихотворений, но и в их заглавиях: «Десятилетье Пресни», «Памяти Демона», «Воробьёвы горы», «Романовка», «Мучкап», «Елене», «Борису Пильняку», «Анне Ахматовой», «Марине Цветаевой», «Мейерхольдам», «Бальзак», «Брюсову», «Памяти Рейснер», «Об Иване Великом», «Маяковскому», «Ева», «На смерть Полонского», «Анастасии Платоновне Зуевой», «Скрипка Паганини», «Последний день Помпеи», «Сочельник» (доля ономастических единиц в заглавиях составляет 10 % от общего числа ИС) и др., а также отдельные антропонимы (в полной или инициальной формах) включены только в эпиграфы и посвящения: Я. З. Черняку, Жене (Евгения Владимировна Пастернак, первая жена Б. Пастернака), Н. Асееву, А. Л. Ш. (А. Л. Штих, друг Пастернака по гимназии), И. В. (Ида Высоцкая, возлюбленная Пастернака), Константину Локсу, Ал. Ш. (А. Л. Штих), Сергею Боброву, Вере Станевич, Е. А. В. (Елена Александровна Виноград, возлюбленная Пастернака), Лермонтову, Ю. Анисимову, В. В. Гольцеву, Н. Н. Вильям-Вильмонт (около 5 % от всех онимов) и др.

Все поэтонимы делятся на шесть групп в зависимости от того, какой пространственно-временной локус они репрезентируют: 1) онимы, представляющие современный (синхронный) поэту временной отрезок (генерал Самсонов, Гарри, Светлана, Нита, Борис, Марина Цветаева, Ленин, Сталин, Федин, Леонов, Асеев, Петровых, Тренёв, Морозов, Паоло, Тицьян Табидзе); 2) онимы, относящиеся к античной и восточной культурам (Голиаф, Кастор, Поллукс, Вергилий, фараон Псамметих, Тамерлан и др.); 3) фольклорные онимы (Тьмутаракань, царь Горох и др.); 4) ИС, отсылающие к европейской культуре (учёный Торричелли, аббатство Вестминстер, Брамс, Платон, Поликлет, Петрарка, Данте, Бетховен, изобретатель Монгольфьер, Наполеон, Мицкевич, полководец Торкват и др.); 5) поэтонимы, являющиеся маркерами христианской культуры (Библия, Иоанн, Матфей и др.); 6) ИС, репрезентирующие русскую культуру (Чайковский, Пушкин, Москва, Петроград, Кремль, Лермонтов, Александр Блок, Левитан и др.).

Выделяются следующие разряды поэтонимов в соответствии с их денотативным значением (названия разрядов и комментарий к ним взяты из «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [18]): 1) антропонимы (Трубецкие, Гегель, Анатолий Глебов, Чехов, Роден, Островский, Битенпаж, Макар, Лариса, Ганская, Гончаровы, Тараканова, Петр (Петр I), Шопен, Шекспир, Мартин Лютер, братья Гримм, Вахушта, Байрон, Самарин, Эдгар По, Лермонтов, Киплинг, Керенский, Ягайло, Ядвига, Бетховен, Мопассан, Бальзак, Пушкин, Диккенс, Брюсов, Рембрандт, Себастьян и др.); 2) имена литературных персонажей (Паола, Франческа, Сандрильон, Золушка, Тамара, Дездемона, Офелия, Изольда, Тристан, Миньона, Мэри-арфистка, Фауст, Гамлет, Маргарита, Алеко, Земфира, Диотима, Синяя Борода, Вий, Мцыри, Коля – персонаж К. И. Чуковского, Пиковая дама); 3) мифонимы (Фазтон, Ариэль, Ганимед, Геракл, Троя, царица Спарты, Калидон, Аталант, Актей, Дамокл, Сизиф, Икар, Прометей, Самсон, Янус и др.); 4) топонимы представлены а) хоронимами (Польша, Сахара, Норвегия, Урал, Харьковский уезд, Кавказ,

Европа, остров Цусима, Кобулет, Дагестан, Грузия, ледник Девдорах, Сибирь, Кавказ, Германия, Запад, Индия, Русь, Крым, Ривьера, Чехия, Моравия, Сербия и др.); б) астионимами (названия городов) (Венеция, Москва, Пермь, Марбург, Балашов, Москва, Иматра, Клязьма, Керчь, Киев, Лаоян, Подольск, Лондон, Марокко, Архангельск, Кагул, Берген, Кострома, Париж, Углич, Потти, Батум, Владикавказ, Путивль, Сочи, Томск, Омск, Киев, Беслан, Ленинград, Прага, Смоленск, Гжатск, Вязьма, Елабуга, Казань, Сарапул, Завершье, Криворожье, Пропойск, Гомель, Очаков, Николаев, Одесса, Сталинград, Тифлис, Рим, Варшава, Ронсар, Ареццо, Потсдам, Петербург, Гамельн, Рим, Джавари, Мухет, Орёл, Брянск, Канск и др.); в) потамонимами (названия рек) (Инд, Ефрат, Стоход, Нева, Кама, Ганг, Шелонь, Терек, Днепр, Кура, Арагва, Двина, Темза); г) комонимами (названия сел) (Замостье, Ржакса, Мучкап, Шабо, Спасское, Шевардино, Люберцы, Любань, Ларс, Млеты, Ирпень); д) лимнонимами (Мазурские озёра, Тихий океан, Чёрное море); е) оронимами (элементы рельефа) (Карпатские зубцы, Альпы, Дарьял, Сен-Готард, Анды, Продольный Великокняжеский Рудник, Казбек); ж) урбанонимами (Охта, Замоскворечье, Тиволи, Арбат, Большой театр, Навтлуг – район Тбилиси и др.); з) годонимами (Софийская набережная, Страстной, Тверская, Нарвская, Ямская, Мясницкая, Галёрная, поле Ямское, Рейтарская); и) эргонимами (тюрьма Тауэр, Государственная дума, Совнарком, Петросовет, Римский Сенат); 5) библеизмами (Адам, Эдем, Откровение, Варфоломеева ночь, Каин, Кайяфа, Екклесиаст, Халдея, Матфей, Ной, Суламифь, Ирод, Вифлеем, Иуда, Иоанн); 6) библионимами (Figaro, Ракочи (марш), «Пророк», Эдда, Рождественская сказка Диккенса, «Бесы», «Подросток», Талмуд, «Бедные люди», «Библия», «Петербург», Веды, Завет, «Двенадцать», «Мария Стюарт»); 7) космонимами (именования различных зон космического пространства) (созвездия Водолей, Близнец, Кассиопея, Млечный Путь, Венера, Марс); 8) фольклоронимами (Горыныч, Китеж, царь Горох, Илья и др.); 9) геортонимами (названия праздников) (Троицкая ярмарка, Рождество, Троицын день, Пасха, Покров, День Введения во храм Богородицы, Троица, Благовещение, Рождество Христово); 10) контекстуальными ИС (Сердце, Спутник, Вьюга, Оттепель, Небесный Постник, Тень, Ното Sapiens, Распад, Дух, Хребет, Роман Небывалый, Социализм Христа, Ты, Ничто); 11) агнионимами (лик Георгия, Василий Блаженный); 12) экклесионимами (названия церквей, часовен, монастырей) (Иван – колокольня Ивана Великого, Лавра, церковь гора Давида, церковь Борис и Глеб); 13) прагматонимами (автомобильный мост Хопёр, пушка Берта); 14) теонимом (Спаситель); 15) анемонимом (названия стихийных бедствий) (вулкан Этне); 16) гемеронимом (название печатных органов) (Чукоккала); 17) ойкодомонимом (ИС здания) (дом Коровина); 18) фалеронимом (наименования орденов, медалей, наград) (Ушаков, Нахимов); 19) порейонимом (название транспортного средства) (Летучий голландец); 20) хремонимом (азбука Морзе).

Следует отметить, что имена реальных людей (поэтов, писателей, учёных, композиторов, художников, философов, изобретателей, политиков, общественных деятелей, царей и императоров), имена героев мировой и русской литературы, мифологические, библейский и фольклорные онимы, названия географических объектов, а также наименования из бытовой сферы моделируют пространственно-временные координаты различных культурно-исторических эпох, раздвигают границы поэтического дискурса поэта.

Традиционно лирика антропоцентрична, поскольку лирический герой, а шире – автор и человек вообще, является центральным персонажем стихотворений, а его переживания, эмоции и чувства становятся предметом описания. Следует отметить преобладание топонимов в

ономастиконе поэта (около 36 %; антропонимы составляют около 20 %).

По нашим наблюдениям, различен характер употребления топонимической лексики в лирических стихотворениях Б. Л. Пастернака, а также объём семантического поля географических наименований и их денотативное содержание. «Географические названия, встречающиеся в лирическом жанре, – как справедливо отмечает профессор А. Ф. Рогалев, – не столько называют и идентифицируют объекты, сколько характеризуют их и воспринимаются читателями нередко с явными вторичными, контекстуальными смысловыми оттенками» [19, с. 127]. Многие топонимы утратили связь с реальным денотатом и стали восприниматься как топонимы-образы.

Условно-поэтические ИС были традиционны для поэзии XIX века. Их использовали для аллегорического выражения определённой идеи и обобщённо-символического смысла. Это, в первую очередь, относится к античным топонимам, мифотопонимам и фольклорным топонимам. Они не локализируют место действия, их назначение, как нам представляется, – вызывать определённые ассоциации. Приведём в качестве примеров следующие текстовые фрагменты: «А посреди меж сим и тем / Со страшной простотой / Легенде ведомый Эдем / Взовьёт свой ствольный строй» [20, с. 50]; «Оглянись, и ты увидишь / До зари, весь день, везде, / С головой Москва, как *Китеж*, – / В светло-голубой воде» [20, с. 82]; «Думал, – *Трои* б век ей, / Горьких губ изгиб целуя: / Были дивны века / Царственные, гипсовые...» [20, с. 162]; «Отбивай, ликованье! На волю! Лови их, – ведь в бешеной этой лапте – / Глошение лесов, захлебнувшихся эхом охот в *Калидоне*...» [20, с. 196]; «Это чёрной божбою / Бьётся пригород *Тьмутараканью* в падучей» [20, с. 249] и др.

В топонимиконе присутствуют единицы, связанные с географическим передвижением автора. Они автобиографичны и сохраняют впечатления поэта от встреч, поездок и происходящих в реальности событий. Часть таких топонимов выступает в прямом значении и функционирует как обозначение реальных локусов, на фоне которых рефлексирует лирический субъект, например: «Когда в своих воспоминаньях / Я к *Чистополю* подойду, / Я вспомню городок в геранях / И домик с лодками в саду» [21, с. 155] (Пастернак в Чистополе был в эвакуации); «В ту ночь я жил в *Москве* и в частности / Не ждал известий от бесценной...» [20, с. 224] и др.

Чаще автобиографичные топонимы употребляют коннотативно в составе метафор, метонимий, сравнений, олицетворений, парадоксов: «И без того взойшёл, зашёл / В большой душе, щемя, мечась, / Большой, как солнце, *Балашов* / В осенний ранний час» [20, с. 124] (уездный город в Саратовской губернии, куда поэт приезжал к Е. А. Винограду в сентябре 1917 г.); «*Ирпень* – это память о людях и лете, / О воле, о бегстве из-под кабалы, / О хвое на зное, о сером левкое / И смене безветрия, вёдра и мглы» [20, с. 388] (в 1930 г. в дачном месте Ирпень под Киевом Б. Л. Пастернак прожил лето); «Пока мы по *Кавказу* лазаем, / И в задыхающей раме / *Кура* ползёт атакой газовой / К *Арагве*, сдавленной горами» [20, с. 410] (в августе 1931 г. поэт жил в пригороде Тбилиси); «... *Урала* твердыня орала» [20, с. 78] (упоминание хоронима связано с поездкой писателя на Урал в январе 1916 г.) и др.

Автобиографичны большинство микротопонимов, представленные названиями улиц, переулков, частей города, наименованиями организаций и даже зданий. Они конкретизируют место действия и фокусируют внимание читателя на определённом фрагменте пространства, значимом для автора. Детализация пространства создаёт эффект присутствия читателя, делает его соучастником и собеседником лирического героя. Проиллюстрируем сказанное: «В девять, по левой, как выйти со *Страстного*...» [20, с. 65]; «Спит, как убитая *Тверская*...» [20, с. 65]; «Ты – душная, как май, *Ямская*, / Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2(31)

Шевардина ночной редут» [20, с. 220]; «Бывалый гул быллой *Мясницкой* / Вращаться стал в моём кругу, / И, как вы на него ни цыцкай, / Он пальцем вам – и ни гугу» [20, с. 236]; «Жаль, что в *Большом театре* под сердца / Не станут стлать, как под ноги, циновки» [20, с. 244]; «Он, *Кремль*, в осястке стольких зим, / На нынешней срывает ненависть» [20, с. 192]; «Какая горячая, если растеряно, / Из дома *Коровина* на ветер вышел, / Запросишь у стужи высокой материи, / Что кровью горячею сумерек пышет» [20, с. 459] (дом Коровина – дом № 9 по Тверскому бульвару, где в 1914–1915 гг. у З. М. Мамоновой поэт часто встречался с В. В. Маяковским) и др.

Б. Л. Пастернак был свидетелем смены трёх исторических эпох в истории России (царский период, период революции, советская Россия), которые отразились в номинациях, именующих один денотат – *Петербург*, *Петроград*, *Ленинград* – с преобладающими идеологическими и культурно-историческими смысловыми оттенками в семантической структуре: «И спящий *Петербург* огромен, / И в каждом из его ячеек / Скрывается живой феномен: / Безмолвный говор мелочей» [20, с. 544]; «Семь месяцев мусор и плесень, как шерсть, – / На лестницах министерств. / Одинокий как перст, – / Таков *Петроград*, / Ещё с *Государственной думы* / Ночами и днями кочующий в чумах / И утром по юртам бесчувственный к шуму Гольтепы» [20, с. 266]; «Но правота была такой оградой, / Которой уступал любой доспех. / Всё воплотила участь *Ленинграда*. / Стеной стоял он на глазах у всех» [21, с. 70].

Политические эргонимы (*Совнарком*, *Петросовет*) встречаются однократно и присутствуют как факты новой советской действительности. Оценочная коннотация в семантической структуре эргонимов реализуется в употреблении их в составе сравнения и метафоры. Следующие иллюстрации подтверждают сказанное: «На смену спорам оборонцев – / Как север, ровный *Совнарком*, / Безбрежный снег, и ночь, и солнце, / С утра глядящее сморчком» [20, с. 267]; «На самом деле это где-то / Задетый ветром с моря рой / Горящих глаз *Петросовета*, / Вперённых в небывалый строй» [20, с. 268].

В лирике Б. Л. Пастернак использует устаревшие формы астионимов *Кобулет* (старое обозначение Грузии) и *Эривань* (современное – Ереван). Астионимы *Петроград* и *Пропойск* (так до 23 мая 1945 года назывался белорусский город Славгород) являются архаизмом, а номинации *Ленинград* и *Сталинград* для эпохи поэта были актуальными, для людей нашего времени воспринимаются устаревшими.

Использование ряда реальных географических номинаций, не связанных с передвижениями самого поэта, мотивировано контекстом стихотворений. Так, потамоном *Стоход* (река в Волынской области, Украина) в стихотворении «Дурной сон» (1914) актуализует фрагменты военных действий Первой мировой войны, связанных с наступлением 8-й армии генерала А. М. Каледина, получившим название «Брусиловский прорыв». ИС *Стоход* исторично, но в стихотворении картина боевых действий сносится лирическому герою и подаётся как визуализация невозможного, как дурной сон: «И видит ещё. Как назем огороdnика, / Всю землю сравнили с землёй на *Стоходе*» [20, с. 63].

В стихотворении «Бальзак» употреблён астионим *Париж*, который является родиной великого французского писателя. Присутствие топонима, являющегося неизменным атрибутом Франции, его культурной константой, мотивировано идеей стихотворения и позволяет выразительнее и ярче обрисовать лирического субъекта и понять подтекст стихотворения. Париж и его жители в тексте – это олицетворение реальности с её земными потребностями. Образ Бальзака продолжает серию образов-символов, в которых раскрывается тема творчества, отношение мастера к действительности. Аппелляция в последней строфе к Евангелию от Матфея указывает на

предназначение художника – заботиться о вечной жизни, потому что на земле «своя довлеет злоба дневи»: «*Париж* в златых тельцах, в дельцах, / В дождях, как мщенье, долгожданных <...> Зачем же было брать в кредит / *Париж* с его толпой и биржей» [20, с. 234].

Контекстуально мотивированными следует считать также астионимы, встречающиеся в стихотворениях военной тематики. Сам автор не принимал участия в Отечественной войне 1941–1945 гг., находился в эвакуации. По воспоминаниям поэта, он очень тщательно работал с военными бумагами, поэтому документальную точность и достоверность описываемого в его лирические стихи вносят именно реальные топонимы, обозначения тех мест, в которых шли боевые действия: «И когда грядя позиций / Отошла к *Орлу*, / Всё задвигалось в столице / И её тылу» [21, с. 157]; «*Одесса* занята, *Одесса*» [21, с. 159]; «Там в вечерней красе / Мимо *Вязьмы* и *Гжатска* / Протянулось шоссе / Пятитонкой солдатской» [21, с. 41]; «А повадится в сад / И на пункт ополченский, / Так глядит на закат / В направленный к *Смоленску*» [21, с. 41]; «Потом дорогою завешанной / Прошло с победами всё войско. / Края расширившейся трещины / У *Криворожья* и *Пропойска*. / Мы оттого теперь у *Гомеля*, / Что на поляне в полнолуние / Своей души не сэкономили / В пластунском деле накануне» [21, с. 59] и др.

Д. С. Лихачёв подчёркивал, что «для поэзии Пастернака характерна произвольность ассоциаций, образов, рождённых иногда простым созвучием, иногда рифмой, иногда случайным поводом. Случайность в поэзии Пастернака становится почти законом» [20, с. 12]. Случайными можно считать значительную группу узальных топонимических номинаций, которые не связаны с жизнью поэта, их появление в стихотворениях спонтанно, они не обусловлены ни контекстом, ни звуковыми ассоциациями. На их месте могли быть любые иные ономастические единицы или вообще могли бы отсутствовать они. Поэтонимы включены в «поток сознания» рефлексирующего лирического героя, который как бы объёмлет всю вселенную: «Когда за лиры лабиринт / Поэты взор вперят, / Налево развернётся *Инд*, / Правей пойдёт *Евфрат*» [20, с. 50]; «Теперь качаться продолжая / В стихах вне ранга, / Бредут в туман росой лужаек / И снятся *Гангу*...» [20, с. 111]; «Раздаётся ль только хохот / Перламутром, *Иматрой* бацилл, / Мокрым гулом, тьмой стафилококков, / И блеснут при молниях резцы...» [20, с. 136].

Например, астионим *Подольск* утратил своё прямое значение и употребляется во фразеологизированном словосочетании *можно было до Подольска добратся*, где номинация приобретает контекстуальное значение 'далеко': «На тротуарах было скользко, / И ветер воду рвал, как вретисце, / И можно было до *Подольска* / Добратся, никого не встретивши» [20, с. 177].

В текстах стихотворений поэта представлены единичные онимы (*Вергилий*, *Кремль*, *Владикавказ*, *Адам*, *Эдем* и др.), именованья с низкой частотностью (*Днепр*, *Венеция*, *Киев*, *Офелия*, *Лермонтов*, *Бетховен*, *Шекспир*, *Пётр*, *Кама*, *Фауст*, *Гамлет* – по три употребления), частотные поэтонимы (*Москва* – десять употреблений; *Шопен* – шесть употреблений; литературный персонаж *Маргарита* – пять употреблений; *Нева*, *Париж*, *Млечный Путь*, *Кавказ* – четыре употребления).

Весь словарь собственных имён представлен реальными (узальными) ономастическими единицами. Окказиональными можно считать контекстуальные онимизированные аппелятивы. По мнению О. И. Фонаковой, «с помощью прописной буквы поэты как бы переводят понятия и явления из категорий обыденных и рядовых в ранг общих и высоких, вечных для жизни каждого отдельного человека» [4, с. 74]. Онимизированные аппелятивы в поэзии Б. Л. Пастернака соотносятся с абстрактными понятиями, значимыми для поэта (*Дух*, *Распад*, *Ничто*, *Сердце*, *Спутник*, *Хребет*, *Роман Небывалый*),

являются частично персонифицированными (*Отменель*, *Вьюга*, *Тень*), а также служат заместителями других онимов (*Небесный Постник*, местоимение *Ты* – об Иисусе Христе). В стихотворении «*Степь*» (1918) из сборника «*Сестра моя – жизнь*» смысловая нагрузка целой фразы, соотносимой с библейскими словами *В Начале было Слово*, настолько велика, что поэт с прописных букв оформил все слова в трёх строках: «*В Начале / Плыл Плач Комаринный, Ползли Мураши, / Волцы по Чулкам Торчали*» [20, с. 147].

Грамматика ИС отличается устойчивостью, что связано с основной функцией онима – называть и различать денотаты. В нашей картотеке зафиксировано одно ИС в окказиональной форме мн. ч. – *Индий*, выполняющее художественную функцию: «Я говорю тебе: Сибирь / И этот иней где-то инде. / Вот ром ямайский, как инбирь, / Как лихорадка жёлтых *Индий*» [20, с. 617].

Большинство ИС используется в полной официальной форме. Некоторые поэтонимы, в частности годонимы, употребляются без номенклатурных терминов *переулок*, *улица*, входящих в структуру сложных номинаций, например, *Страстной* (переулок), *Тверская*, *Нарвская*, *Мясницкая*, *Галёрная*, *Рейтарская* (улицы).

Часть поэтонимов представлена стяжённой (эллиптической) формой, при этом для обозначения объекта вместо полного официального именованья используется одно слово из составной номинации: *Откровенье* (Откровенье Иоанна Богослова), *Иван* (колокольня Ивана Великого в Московском Кремле), *Лавра* (Киево-Печерская Лавра), *Борис* и *Глеб* (церковь Бориса и Глеба в Кидекше), ордена *Ушаков*, *Нахимов* (фамилии адмиралов используются вместо наименований наград). В поэтониме *Ракочи* наряду с неполным использованием официального названия марша («*Ракочи-марш*») происходит фонетическая замена: [ц] → [ч'].

Как показывают наши наблюдения, разговорные формы антропонимов в поэзии Б. Л. Пастернака достаточно редки. Неполные формы личных имён (*Марина* – Марина Цветаева, *Алёша* – литературовед А. Е. Крученых, *Борис* – Пастернак о себе, *Нита* – Танит Табидзе, дочь грузинского поэта Т. Табидзе) подчёркивают степень личного знакомства адресата и автора, неформальный, дружеский характер их отношений. Эмоционально-экспрессивными коннотациями маркирована номинация *Корней Иванович*, адресованная К. И. Чуковскому, с разговорной редуцированной формой отчества *Иваныч* (вместо *Иванович*), демонстрирующая уважительное, шуточно-ироническое и одновременно уважительное отношение к современнику.

ВЫВОДЫ

Во-первых, поэтонимы как актуализаторы разных пространственно-временных локусов связывают настоящее и прошлое и являются частью общемировой культуры.

Во-вторых, ономастикон поэтических текстов Б. Л. Пастернака представлен различными разрядами ИС. Преобладание топонимической лексики над антропонимами (антропонимы находятся на втором месте по численности) позволяет сделать вывод о пространственно ориентированном характере ономастикона поэта. По нашим наблюдениям, все топонимы делятся на мотивированные контекстом, условно-поэтические и немотивированные (они являются значимыми для авторского мировоззрения, но спонтанными и случайными в контексте читательской рефлексии).

В-третьих, часть топонимов употребляется в прямом номинативном значении, функционируя как наименования пространственных ориентиров. Однако большинство топонимов утратили связь с реальными денотатами и окрасились в контексте стихотворений новыми содержательными, а также эмоционально-экспрессивными, культурными, идеологическими и политическими коннотациями.

В-четвёртых, ономастические единицы являют-

ся узуальными и соответствуют реальному имени. Авторское словотворчество представлено контекстуальными отапельлятивными номинациями.

В-пятых, собственные имена соответствуют в большинстве официальным формам. Разговорные конструкции малочисленны и представлены гипокористическими (неполными) формами антропонимов и эллиптическими формами микротопонимов.

Представляет интерес, на наш взгляд, исследование функционального потенциала ИС в поэзии и прозе Б. Л. Пастернака, а также выявление стилистических возможностей поэтонимов в составе стилистических фигур и тропов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Магазаник Э. Б. Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. Б. Магазаник. – Самарканд, 1967. 24 с.
2. Калинин В. М. Поэтика онима. – Донецк: Издательство Донецкого государственного университета, 1999. 408 с.
3. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. – Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
4. Фонарева О. И. Имя собственное в художественном тексте: учебное пособие. – Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.
5. Фатеева Н. А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. 400 с.
6. Иванов В. В. Разыскания о поэтике Пастернака. От бури к бабочке // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том 1. – М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 15–140.
7. Альфонсов В. Н. Поэзия Бориса Пастернака: монография. – СПб.: «САГА», 2001. 384 с.
8. Бройтман С. Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь». – М.: Прогресс-Традиция, 2007. 608 с.
9. Гаспаров М. Л. «Сестра моя – жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2008. 192 с.
10. Лотман Ю. М. Стихотворения раннего Пастернака. Некоторые вопросы структурного изучения текста // О поэтах и поэзии. – СПб.: «Искусство-СПб», 1999. С. 688–717.
11. Жолковский А. К. Бессмертие на время (К поэзии грамматического времени у Пастернака) // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной науч. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001 г.). – М.: «Азбуковник», 2001. С. 66–77.
12. Жолковский А. К. Из записок по поэзии грамматик: о переносных залогах Пастернака // Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. – М.: РГГУ, 2005. С. 489–501.
13. Померанц Г. С. Неслыханная простота // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 19–34.
14. Маслова А. Г. Поэтика хронотопа в раннем творчестве Б. Л. Пастернака: дис. канд. филол. наук: 10.01.01. – Киров, 2003. 241 с.
15. Романова И. В. «Существование – ткань сквозная»: идея и образ единства в творчестве Пастернака // Филологические науки. 2003. № 5. С. 3–14.
16. Шапир М. И. Эстетика небрежности в поэзии Пастернака // Изв. АН Сер. лит. и яз. 2004. Т. 63. № 4. С. 31–53.
17. Акимов А. С. Трансформация шекспировских образов в творчестве Б. Л. Пастернака 1910–1920-х гг. // Проблемы поэтической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 174–191.
18. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии; отв. ред. А. В. Суперанская; Академия наук СССР, Институт языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. 192 с.
19. Рогов А. Ф. Имя и образ: Художественная функция имён собственных в литературных произведениях и сказках. – Гомель: Барк, 2007. 224 с.
20. Пастернак Б. Л. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1912–1931 / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачёв, Д. Мамлеев и др.; Вступ. статья Д. Лихачёва; Сост. и коммент. Е. Пастернак и К. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1989. 751 с.
21. Пастернак Б. Л. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 2. Стихотворения 1931–1959; Переводы / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачёв, Д. Мамлеев и др.; Сост. и коммент. Е. Пастернак и К. Поливанова. – М.: Худож. лит., 1989. 703 с.

Статья поступила в редакцию 07.01.2020

Статья принята к публикации 27.05.2020